

А
М. Л. Михайлов

Кружевница

Михайлов М. Л. Избранное / Подготовка текста и примеч. Г. Г. Елизаветиной.
М., "Художественная литература", 1979
[OCR Бычков М. Н.](#)

Посвящается Н. В. Гербелю

ГЛАВА I

Если случалось вам въезжать в губернский город К. или выезжать из него московскою дорогой, вы, конечно, помните неимоверно длинную улицу, которою начинается или, пожалуй, кончается город. Улица эта вся застроена маленькими трехоконными домиками, между которыми прилажены местами у нестройных заборов сколоченные живьем лубочные лавчонки с калачами и баранками. На усладу мирных обитателей улицы есть на ней и белая харчевня с пузатым самоваром на вывеске и чернейшим бельем на столах, есть и два питейных дома, есть, наконец, для более прихотливых и настоящий трактир -- даже не просто трактир, а трактир "Китай". Впрочем, до всех этих общепольных учреждений нам нет никакого дела; а потому, минуя их, остановимся у одного из самых старых, самых непригожих домишек улицы, который помещается за ветхим и сквозным забориком и как-то вовсе некстати осенен двумя высокими пышными березами, стоящими рядом перед его узенькими окошками.

Много лет проживала в этом домишке старая мещанка Ивановна, добывая себе насущный хлеб посильною работой. Она занималась стиркою белья и, кроме того, вязала на продажу нитяные и шерстяные чулки и носки. Единственный сын Ивановны -- Тимоша, как называла его мать, несмотря на то, что он уже давным-давно был целый Тимофей,-- служил где-то далеко, унтером в одном полку, и нередко присылал письма, которыми питал в старухе надежду видеть вскоре сына офицером. Ивановна каждый день ходила к обедне и усердно молила бога, чтобы дожить ей до того счастливого времечка, когда явится к ней ее голубчик Тимоша в чине и почете. Была у Ивановны и невеста на примете для сына.

На руках и попечении старухи выросла девочка-сиротка, оставшаяся без всякого призора после смерти матери, не то приятельницы, не то родственницы Ивановны. С того самого дня, как взяла старуха в свой бедный угол пятилетнюю Сашу, в голове ее зародилась мысль, что хорошо бы вырастить это дитя в честных трудах и страхе божием, на утеху себе и на счастье сыну, почтительной дочерью и доброй женой. Мысль эта никогда не оставляла старую мещанку, и Ивановна постаралась, чтобы названная дочка ее знала грамоте как следует -- читать печатное и писаное, и хоть не очень красиво, да четко умела бы и писать. Когда Саша выучилась и тому и другому, Ивановна позаботилась научить питомицу свою и доброму ремеслу. Разумеется, она никак не хотела сделать из Саши прачку или чулочницу, какою была сама... Для Сашиных ли ручек это занятие? Девочка не на то растет. Хороший жених, вот как Тимоша например, и не возьмет за себя этакой рукодельницы. И стала Саша учиться у соседки, кружевницы, плести кружева. Руки у нее были ловкие, проворные, наука пошла ей впрок, и к той поре, с которой начинается моя история, Саша была уже отличною мастерицей, чуть ли не лучшею во всем городе. Лет ей было тогда семнадцать. И что за пригожая девушка была эта Саша! Длинная и густая темно-русая коса; нежное белое личико, словно свежее яблоко; карие глазки, такие бойкие; круглые плечи... а стройна как! походка какая!.. Ивановна не могла налюбоваться своею дочкой, но, видя, как с каждым днем краше и краше распускается Саша, и зная по собственному опыту, что пора этого пышного расцвета -- пора опасная, держала ухо востро и берегла невесту сына пуще глаза. Впрочем, Саша была не такая девушка, чтобы за нею много смотреть: тихая, скромная, гулять не охотница; а как сядет за работу, так и не оторвешь ее ничем от коклюшек, знай себе перекидывает их с руки на руку да узор булавками

А